

Д. Шипка (Темпе)

СЕРБСКИЕ (НОРМАТИВНЫЕ) ГРАММАТИКИ НА СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ФОНЕ СВОЕГО ВРЕМЕНИ

1. Введение

В настоящей статье рассматриваются следующие сербские грамматики на социокультурном фоне своего времени: грамматики Караджича (грамматика в словаре *Српски рјечник*, Караџић 1818), Новаковича (*Српска граматика*, Новаковић 1894), Стевановича (*Савремени српскохрватски језик*, Стевановић 1964а), а также Пипера и Клайна (*Нормативна граматика српског језика*, Пипер, Клајн 2013). Первые две грамматики вписываются в хронологические рамки долгого XIX в., остальные две представляют соответственно короткий XX в. и XXI в. Понятия долгого XIX в. (1789–1914) и короткого XX в. (1914–1991) исходят из работ Эрика Хобсбаума (Hobsbawm 1995; 1996)¹. В настоящем исследовании

* Настоящая статья была поддержана грантом Государственного университета Аризоны на исследования в Вене в январе 2019 г. Автор выражает свою искреннюю признательность рецензентам данной статьи за ценные замечания.

¹ По мнению Хобсбаума, начало долгому XIX в. (как историческому периоду, главной особенностью которого является доминирование

мы пользуемся периодизацией Хобсбаума, так как она указывает на кардинальные геополитические изменения и наиболее точно определяет периоды, релевантные для анализа факторов социокультурной среды, влияющих на характер грамматики.

Роль вышеупомянутых грамматик в их социокультурной среде анализируется в рамках подхода, предложенного Шипкой (Šipka 2019). Согласно этому подходу, нормативные грамматики, словари и справочники понимаются как средства установления нормативного авторитета и обеспечения национального единства путем масштабных нарративов, для которых предлагается название «макродействия». Макродействия переводятся в конкретные шаги (микродействия), подобные конкретным правилам в грамматиках. В данной работе анализируется дискурс макродействий и элементы микродействий в соответствии с принципами, предложенными Шипкой (Ibid.), согласно которым нарративы макродействий отражают общие идеологические и культурные направления, а микродействия представляют их конкретное воплощение, оказывающее влияние на пользователей литературного языка.

Понятие авторитета основано на классическом труде Макса Вебера (Weber 1919), в котором различаются три типа авторитета: традиционный, харизматический и рациональный. Примером традиционного авторитета является религия. Авторитет между последователями обеспечивается не рациональной аргументацией или харизмой личности, а тем, что существует традиция данной религии в данном обществе. Источником харизматического авторитета является сама личность, как, например, в случае populistических политиков. Наконец, рациональный авторитет основан на рациональных правилах, подтверждением чего служит авторитет права. Как показал Хюмер (Huemer 2013), существует ряд понятий авторитета, но категории Вебера являются более приемлемыми для настоящего исследования. Авторы грамматик (а также

империй в мире) положила Великая французская революция, а его конец ознаменовала Первая мировая война, в результате которой исчезли Германская, Российская, Австро-Венгерская и Османская империи. Короткий XX в. начинается той же ликвидацией империй, а заканчивается распадом СССР.

словарей и справочников) пытаются доказать, что предлагаемые ими решения основаны на рациональном авторитете. В действительности же на пользователей оказывают влияние традиционный и харизматический авторитеты.

Что касается национального единства, то в данном вопросе принимаем конструктивный и динамический подход к определению этнической принадлежности Геллнера (Gellner 1983) и Брубейкера (Brubaker 2002). Последний, в частности, пишет:

Этническая принадлежность, раса и нация должны рассматриваться не как субстанции, вещи, сущности, организмы или коллективные индивиды, поскольку образы дискретных, конкретных, материальных, ограниченных и устойчивых «групп» побуждают нас делать это, а скорее в реляционном, процессном, динамическом, событийном и дезагрегированном смысле (Ibid.: 176)².

В трех главных частях настоящей статьи рассматриваются грамматики, представляющие долгий XIX и короткие XX и XXI вв. в развитии сербского общества.

2. Долгий XIX в.

В начале долгого XIX в. сербы находятся в двух крупных европейских государствах — Австрийской и Османской империях. На идеологической сцене состязаются идеи панславизма (Kohn 1960) и австрославизма (Moritsch 1996), о чем свидетельствуют следующие цитаты:

Народы считали ее [Россию] величайшей православной державой; это чувство всячески поощрялось. В Кючук-Кайнарджийском мирном договоре 1774 года была заложена основа для определенного притязания на религиозный протекторат,

² *Ethnicity, race and nation should be conceptualized not as substances or things or entities or organisms or collective individuals — as the imagery of discrete, concrete, tangible, bounded and enduring 'groups' encourages us to do — but rather in relational, processual, dynamic, eventful and disaggregated terms.*

хотя и в очень двусмысленной форме. Не только балканские христиане ожидали помощи от России, но и многих представителей российского общества сильно привлекала, и по православной, и по славянской линии, идея оказания помощи национальным движениям (Jelavich, Jelavich 1977: 22)³.

Хотя согласно мирному договору Россия была покровительствующей державой, Австрии, Франции и Великобритании пришлось сыграть свою роль в сербском вопросе. Влияние России, хотя и сильное, было ограничено тем, что она не была смежной с Сербией. Соседняя Австрия оказалась в более выгодном положении (Ibid.: 53)⁴.

Первая цитата описывает ситуацию в XVIII в., вторая — в первой половине XIX-го. Видимо, с течением времени русское влияние ослабевает, причем австрийское укрепляется. Сербская грамматика Вука Караджича (Караџић 1818) появляется на фоне идеологического сражения между панславизмом и австрославизмом. Одновременно разыгрывается конфликт между новой сербской буржуазией, формирующейся вследствие сербских восстаний против турок (первое — 1804–1813, второе — 1815–1817), и традиционной клерикально-феодальной элитой в Южной Венгрии. Наконец, не следует забывать, что деятельность Караджича приходится на эпоху романтизма. Макродействия Караджича четко определяют его как представителя новой буржуазии

³ *The peoples looked to her [Russia] as the greatest Orthodox power; this feeling had been encouraged. In the Treaty of Kuchuk Kainardji of 1774 the base was laid for some sort of a claim to a religious protectorate, although in a very ambiguous form. Not only did the Balkan Christians expect aid from Russia, but important elements in Russian society were strongly attracted along both Orthodox and Slavic lines to the idea of giving assistance to the national movements.*

⁴ *Although Russia was by treaty the protector power, Austria, France, and Britain were to play a role in Serbian affairs. Russian influence, though strong, was limited by the fact that the two lands were not contiguous. Adjacent Austria was in a more advantageous position.*

(в освобожденной от турецкого господства Сербии), романтизма и австрославизма. В начале XIX в., когда Караджич работает над своей грамматикой, опубликованной в 1818 г., в предисловии к Сербскому словарю (см.: Караџић 1818), образованное сербское население в Южной Венгрии (культурном центре сербского народа) пользуется славяносербским языком. Славяносербский язык создан в XVIII в. на основе церковнославянского русской редакции и русского литературного языка, а также сербских диалектов и, спорадически, церковнославянского сербской редакции⁵. Пользователи славяносербского языка представляют традиционные клерикально-феодалные структуры и геополитическое направление панславизма. Конечно, идеологическое столкновение Караджича со славяносербской традицией представляет собой особенно комплексный процесс. Как показывают исследования, в частности Милановича (Милановић 2016), некоторые элементы реформы Караджича заметны и в рамках славяносербской традиции. Тем не менее в конечном итоге Караджич и славяносербская традиция расположены на противоположных идеологических полюсах.

Надо также отметить, что за четыре года до публикации Словаря с новой грамматикой Караджич работает в рамках традиционного подхода над своей Писменицей (Караџић 1814). Даже в грамматике из Словаря (Караџић 1818), в терминологии и мета-языке в общем чувствуется влияние предыдущей традиции.

Ключевую роль в идеологической ориентации Караджича сыграл Ерней Копитар, как это уже ранее отметили исследователи, в частности Погачник и Попович: «Именно Копитар направил Вука на конкретную реформу сербского языка и орфографии; он же, по всей вероятности, повлиял и на его выбор»⁶ (Pogačnik 1978: 105); «Копитар любил и ту существующую Австрию — Меттерниха. Любил не только как чиновник, а из-за патриотизма и гражданско-го убеждения; он боролся за ее культурное процветание и хотел

⁵ Подробнее об этом пишет Ивич (Ивић 1998).

⁶ *Gerade Kopitar dirigierte Vuk zur konkreten Reform der serbischen Sprache und Orthographie, aller Wahrscheinlichkeit nach beeinflusste er auch seine Auswahl.*

утвердить ее духовное и политическое влияние на южнославянское население на Балканах»⁷ (Поповић 1964: 70). Среди многочисленных трудов, посвященных взаимоотношениям Караджича и Копитара (Butler 1969; Добрашиновић 1980; Ivić 1981; Vodopivec 1988; Крореј 2013), самым интересным из них является статья Серджа Бонаццы о Караджиче и австрославизме. В частности, в ней написано: «Во всяком случае — и независимо от желаний и намерений Вука — австрославизм оказался важным спутником Вука на пути к созданию сербского литературного языка и, таким образом, к достижению культурного освобождения его народа»⁸ (Bonazza 1988: 369). То же самое находим у Ивича: «Шаги Вука, отдаляющие сербскую культуру от русского влияния и способствующие уменьшению роли православной церкви, совпадали с политическими взглядами Копитара»⁹ (Ивић 1998: 181). Подобные замечания находим и у других авторов.

Макродействие учреждения авторитета Караджич основывал на необходимости тождества литературного языка и разговорной речи, которое обеспечивает одновременно всему народу доступ к литературному языку (а это является романтическим и новобуржуазным идеалом). Ключевым аргументом Караджича становится необходимость исправления непоследовательности славяносербской письменности. Расхождение между литературным и разговорным регистрами языка является, по его мнению, частью общей непоследовательности. Караджич в агрессивном тоне утверждает, что славяносербский опирается на «правила бабушки Смиляны»

⁷ *Копитар је волео и ову постојећу — Метернихову Аустрију. Не само као чиновник но и из личног патриотизма и грађанског уверења, он се борио за њен културни процват и хтео је да прошири њен духовни и политички утицај на јужнословенско становништво на Балкану.*

⁸ *Auf jeden Fall — und unabhängig von Vuks Willen und Absichten — der Austroslavismus erwies sich als ein wichtiger Gefährte, der Vuk auf dem Weg zur Begründung der serbischen Literatursprache und damit zur Erringung der kulturellen Emanzipation seines Volkes begleitete.*

⁹ *Вукови потези који су српску културу удаљавали од руског утицаја и доприносили смањењу улоге православне цркве, били су у складу с Копитаровим политичким гледиштима.*

(правила бабе Смиљане), то есть на отсутствие правил (о его дискуссии с славяносербским писателем Видаковичем см. Николић 2007). Интересно заметить, что Караджич о необходимости восстановления единства народного и литературного языков пишет в Вене, где литературный нововерхненемецкий язык четко отличается от разговорного языка баварских диалектов. Нужно также отметить, что упорядочение славяносербского языка можно было провести при сохранении его отличий от разговорной речи. Существуют ведь славянские языки, такие как чешский и словенский, в которых литературный язык четко отличается от разговорной речи. Обо всем, что потеряла сербская культура, отряхнув с себя славяносербскую письменность, убедительно писал Селимович (Селимовић 1967). Караджич пытается обосновать новую программу на основе рационального авторитета. Как мы увидим позже, авторы крупных грамматик впоследствии также будут использовать харизматический и традиционный авторитеты.

Упомянутые романтические, новобуржуазные и австрославистические макродействия переводятся в грамматике в конкретные решения микродействий. Грамматика Караджича (Караџић 1818: XXIX–LXIX) содержит 41 страницу и является частью его Сербского словаря¹⁰. Микродействия в тексте мотивированы дистанцированием от славяносербского языка (что само по себе является проявлением австрославистического и новобуржуазного микродействия, так как оно направлено против феодальных панславистических элит, а также романтическим макродействием, в смысле аффирмации «народа» и его языка). В алфавите 45 славяносербских букв сведено к 28, вводится фонетический принцип (понятный «народу» и отличающийся от близкого элите орфографического принципа славяносербского языка, в принципе схожего с дореволюционной русской орфографией). Грамматика даже содержит главу «О славенским словима» (Караџић 1818: XXXIII–XXXVI),

¹⁰ Нужно отметить, что за четыре года до рассматриваемой грамматики в Словаре Караджич опубликовал другую грамматику (Караџић 1914), частично под влиянием славяносербской традиции, основанную на славяносербской грамматике Мразовича (Мразович 1794). Таким образом, его разрыв с традицией не являлся совсем внезапным.

где доказывается излишество большинства славяносербских букв, а также необходимость введения (в сравнении со славяносербской графикой) новых букв: *ћ, ј, љ, њ, ћ, џ* (некоторые из которых встречаем и у предыдущих реформаторов графики). В морфологической части Караджич заменяет славяносербские склонения и спряжения народными. Дистанцирование от прежней грамматической традиции заметно также в определениях грамматических категорий и терминов, ср.: «Авторы наших славянских грамматик называют некоторые глаголы страдательными, а некоторые отложительными (*deponentia*): но таких глаголов нет ни в славянском, ни в сербском языке (нет их и в немецком языке). Они сами (авторы грамматик) взяли да перевели их с греческого и латинского языков, полагая, что в каждом языке должно быть то, что есть в греческом и латыни. Но о том, что есть в славянском, а чего нет в греческом и латыни, они ни слова не написали (...)»¹¹ (Караџић 1818: LVI), «Таким образом, в наших славянских грамматиках встречается страдательный залог, который не присущ ни нашим, ни славянским глаголам»¹² (Там же: LVI). Все микродействия должны воплощать в жизнь единство народного и литературного языков сербов. Сербь для Караджича — все представители штокавского диалекта — православные, католики и мусульмане (см. Караџић 1814; 1818; 1849). Такое понятие народа основано на романтической идеологии, которую Караджич заимствует у Гердера и Гумбольдта. В самой грамматике Караджич старается связать свои реформы со средневековой сербской традицией, также в духе романтизма; например, он пишет: «Во многих памятниках сербской письменности написано *Српски*, например, в грамоте

¹¹ *Наши Славенски граматници називају још некоје глаголе страдательними, а неке отложителними (deponentia): но такови глагола нити има у Славенском ни у Српском (као ни у Њемачком) језику, него су то они сами (граматници) узели и превели из Грчкога и из Латинскога језика: зашто су мислили да сваки језик оно мора имати, што има Грчки и Латински; а што Славенски језик има, а Грчки и Латински нема оном нијесу били ни мукает.*

¹² *Тако се у нашим Славенским граматикама налази и страдателни залог, а глаголи га немају ни наши ни Славенски.*

царя Душана»¹³ (Караџић 1818: xxx). В заключение можно сказать, что макро- и микродействия Караджича основаны на рациональном авторитете и последовательны в духе романтизма и австро-славизма.

После периода негативных реакций на грамматику Караджича, о чем, в частности, пишет Попович (Поповић 1964), в 1847 г. наступает победа идей Караджича. Нужно отметить, что эту победу обеспечивают писатели, о чем Попович пишет:

Сорок седьмой год, в котором опубликованы Новый завет и стихотворения Бранко Радичевича, был годом триумфа Вука: победой нового художественного языка. Победа, которую увенчал «Горный венец» Негоша (...) Одновременно мы восторжествовали в прозе, лирике и драме. Можно даже сказать, и в научном трактате: язык «Войны» Даничича — это тоже преимущественно эмоциональная литературная речь, а не сухое научно-логицистическое изложение (Там же: 38)¹⁴.

Ключевую роль 1847 г. подтверждает также ряд статей в сборнике «Год 1847: переломный момент в истории сербской культуры» (Милановић, Драгићевић 2018).

Как показал Станкевич (Stankiewicz 1984), в течение XIX в. опубликовано 17 различных сербских грамматик, большинство которых продолжает славяносербскую традицию. Самой известной из них является грамматика Видаковича (Видакович 1838). Хотя среди новых, чисто сербских грамматик появляется книга Даничича (Даничић 1850), ближайшего сотрудника Караджича, а также грамматики в Боснии, о которых писал Окука (Okuka 1991),

¹³ У млогим старим књигама српским стоји написано Српски, н. п. у Душановој дипломи.

¹⁴ Четрдесет седма, односно Нови завет и Бранкове песме, била је Вуков тријумф: победа новог уметничког језика. Победа коју ће ове године крунисати и Његошев „Горски вијенац“. (...) Истовремено смо тријумфовали у прози, лирици и Драми. Могло би се додати, и у научној расправи: језик Даничићевог „Рата“ такође је претежно емоционалан књижевни говор, а не сухо научно-логицистичко изражавање.

грамматическую традицию Караджича интереснейшим способом продолжает в конце долгого XIX в. Стоян Новакович (Новаковић 1894; 1902). С одной стороны, значимо то, что грамматика Новаковича употребляется в сербских школах, с другой стороны, она отличается новым подходом, отражающим социо-исторические перемены. Ведущую роль Новаковича в сербском обществе разъясняет сборник Войводича и Костица (Војводић, Костић 2018). Первое издание его грамматики содержит 405 страниц, второе — 517. Кроме десятикратно большего объема, грамматика Новаковича отличается от грамматики Караджича нумерацией параграфов и наличием индекса во втором издании. В общем, ее рациональный авторитет основан уже не только на филологии и здравом смысле, но и на научном авторитете языкознания. Одновременно в нескольких местах автор прибегает к харизматическому авторитету Караджича, о котором пишет: «...создатель грамматики и первый редактор нашего литературного языка» (Новаковић 1902: X)¹⁵. «Вук Стефанович Караджич переделал ту же новую русскую гражданку совсем в духе сербского языка, так, как мы пишем и сегодня. Постиг он это, выбросив некоторые в нашем языке лишние буквы и добавив следующие шесть необходимых — j, љ, њ, ѣ, љ, и џ» (Новаковић 1894: 25)¹⁶. Литературный язык, представленный в данной грамматике, на протяжении лет является формой традиционного авторитета.

Так как Новакович пишет свою грамматику в независимом буржуазном сербском государстве, перестают быть актуальными идеологические полюсы пан- и австрославизма и, кроме учреждения авторитета, главным макродействием его грамматики является укрепление национального единства:

Ряд поколений в Королевстве и в прочих сербских землях в течение полных десяти лет (1880–1890) учился по нынешней

¹⁵ *творац граматике и први уредник књижевног језика нашег.*

¹⁶ *Вук Стефановић Караџић удесио је ту исту нову руску грађанску азбуку потпуно према српском језику онако како се сад њоме пише. Тај посао он је извршио збацивши нека слова за наш језик непотребна, а додавши ових шест, нашем језику потребних: j, љ, њ, ѣ, љ, и џ.*

грамматике. Собрать эти отдельные книжечки Сербской грамматики в один полный грамматический требник казалось мне долгом не только перед этими поколениями, которые уже ступают на порог зрелости, но и перед остальной образованной сербской публикой во всех краях нашего народа (Новаковић 1902: VI)¹⁷.

Для Новаковича, как и для Караджича, сербы — это говорящие на штокавском диалекте: «Кроме этих букв, используется также латиница — между сербами западной (католической) церкви и хорватами, которые ради литературного единства с сербами приняли вместо своего местного диалекта наш сербский язык и называют его сейчас и хорватским»¹⁸ (Новаковић 1894: 26).

Микродействия в тексте грамматики состоят, в первую очередь, в развитии введенной Караджичем модели литературного языка. Новым элементом является введение научно-исторического метода младограмматиков. Кроме четырех главных частей (Наука о гласных, Наука об основах, Наука о формах, Наука о предложениях — интересно заметить, что даже в названиях частей употребляется слово «наука»), грамматика содержит теоретическую часть *Введение*, с главами *Язык и его устройство* (Новаковић 1902: 1–9), *Части речи* (Там же: 10–21) и *Грамматика и ее членение* (Там же: 22–24). Главные части грамматики содержат теоретические толкования. Например, вторая часть начинается теоретическими главами *Происхождение и членение звуков* (Там же: 25–27, о речевых органах, гласных и согласных) и *Гласные старого языка*

¹⁷ Читав низ нараштаја и у Краљевини и по осталим српским крајевима, кроз пуних десет година (1880–1890) учио се по овој граматици. Претварање оних појединих књижица Српске Граматике у један целокупан граматички требник чинило ми се као још једна дужност не само према тим нараштајима, који сад улазе у зрели век, него и према осталој образованој публици српској у свима крајевима народа нашег.

¹⁸ Осим ових слова пише се српски језик и латиницом међу Србима западне (католичке) цркве и Хрватима, који су, ради књижевног јединства са Србима, примили место свога обласног дијалекта наш српски језик, па га сад и хрватским зову.

(Новаковић 1894: 28–30, об исторических гласных *а, ж, њ, в* и *ѵ*). Стремление к национальному единству подтверждается использованием одновременно как кириллического, так и латинского алфавитов (хотя в Сербии того времени латиница не употреблялась), для того чтобы объединить всех сербов, в смысле говорящих на штокавском диалекте (Новаковић 1894: 26).

В заключение всему сказанному относительно долгого XIX в., можно сделать вывод о том, что грамматика Караджича с самого начала представляет собой орудие романтической и австро-славистической идеологии. Грамматика Новаковича в конце этого периода продолжает развивать введенную Караджичем форму литературного языка, но как традиционную, без идеологических признаков. Инновативность грамматики Новаковича состоит в том, что она основана на научных методах исторического языкознания своего времени.

3. Короткий XX в.

Короткий XX в. у сербов начинается воссоединением с сербами, живущими вне Сербии, хорватами и словенцами и формированием Королевства сербов, хорватов и словенцев (позже названного Югославией, в которой после Второй мировой войны провозглашены македонская, черногорская и боснийская мусульманская национальности). Конец короткого XX в. у сербов был отмечен распадом Югославии как сообщества южнославянских народов. Хотя уже до Второй мировой войны появилась школьная грамматика Белича (Белић 1932), а после Второй мировой войны опубликованы другие сербские грамматики, например грамматика Алексича и Станича (Алексић, Станић 1961), грамматика Стевановича, ученика Белича, бесспорно испытывает влияние факторов социально-культурной среды (Стевановић 1964а). Эта грамматика состоит из двух томов (т. I, *Введение, Фонетика, Морфология*, 653 страниц, — Стевановић 1986; т. II, *Синтаксис*, 942 страницы — Стевановић 1989) и содержит научный аппарат. Основной характеристикой макродействий автора является употребление не только рационального, но и харизматического авторитета. Источниками грамматической правильности речи Стеванович считает язык народа,

язык и грамматическую деятельность Вука Караджича, а также язык литературы (Стевановић 1964б). В то же время язык рассматривается в качестве сербскохорватского, а не только сербского. Это значит, что грамматика уже стремится поддержать не только сербское национальное единство, но и сербскохорватское, являющееся частью югославского народного единства. Подтверждение всему этому можно найти в предисловии к грамматике:

В настоящей книге излагается грамматическое учение о современном сербскохорватском литературном языке, представляются процессы и явления в этом языке и определяется его грамматическая норма — на примерах, почерпнутых из сербской и хорватской литературы и культурной жизни за последние сто с лишним лет (Стевановић 1986: 1)¹⁹.

Современным сербским языком считается тот язык, на котором у сербов и хорватов развивались литература и культура со времен реформы литературного языка Вука Караджича и иллирийского движения до наших дней и на котором они развиваются и в наше время (Там же: 3)²⁰.

Роль авторитета писателей подтверждает также Станојич (Станојчић 2018: 7):

Говоря о формировании нашего литературного языка, наши самые компетентные языковеды, именно те, которым принадлежат дескриптивно-нормативные труды (грамматики, словари,

¹⁹ У овој се књизи излаже граматичко учење о савременом српскохрватском књижевном језику, приказују се процеси и појави у овоме језику и даје се његова граматичка норма — на примерима узетим из српске и хрватске књижевности и културног живота за последњу стотину и неколике десетине година.

²⁰ За савремени српскохрватски књижевни језик узима се онај језик на коме се у Срба и Хрвата развијала књижевност и култура од времена књижевнојезичке реформе Вука Караџића и илирског покрета до данас и на коме се оне развијају у наше време.

справочники орфографии), а такими в XX веке, прежде всего, несомненно были А. Белич и М. Стеванович, всегда начинали с положения о том, что основным источником языкового материала, важного для формирования нормы, является язык хороших писателей художественной литературы²¹.

Вышеупомянутые макродействия воплощены в тексте грамматики наряду с микродействиями. Само полное название грамматики говорит за себя — оно гласит: *Современный сербскохорватский язык (грамматические системы и норма литературного языка)*. Здесь из названия языка становится очевидным, какое единство пользователей преследует данная грамматика, а одновременно очевидно использование рационального авторитета научной парадигмы структурализма (так как речь идет о «системах»). Важно также употребление словосочетания «норма литературного языка» — харизматический авторитет писателей, начиная с Вука Караджича, и традиционный авторитет литературы и филологии становятся основой нормативного авторитета. Нужно подчеркнуть, что во Введении (Стевановић 1986: 7–64), где речь идет о сербскохорватских диалектах и истории литературного языка, деятельности Караджича посвящены страницы 37–62 (то есть 26 из 57 страниц этого раздела). Использование харизматического авторитета писателей и традиционного авторитета литературы прослеживается везде в тексте, ибо примеры всех грамматических явлений взяты из языка писателей. Например, сочетание предлога *од* с родительным падежом иллюстрируется следующими примерами:

Бојусь *этих* глаз (Л. Лазаревич, Полное собрание сочинений (ПСС), 70) — Испугаешься *этой* совы (Там же, 79) — Не помогут

²¹ *Говорећи о изградњи књижевног језика наши најкомпетентнији лингвисти, управо они који су писали дескриптивно-нормативна дела (граматике, речнике, правописе), а то су, у XX веку, пре свих несумњиво били А. Белић и М. Стевановић, увек су полазили од поставке да је основни извор језичке грађе која је релевантна за изградњу норме — језик добрих писаца белетристике.*

ни поп, ни литија (М. Глишич, ПСС I, 169) — Красота — это запах, *от которого* болит голова (Т. Уевич) — Сверху над ним потолок гремел от топота ног (И. Горан Ковачич) — *Нет житья от хозяйина Раки* (М. Глишич, ПСС I, 11) — Ты это услышал *от людей* (П. Кочич, ПСС I, 28) — *Пал от вражеской руки* (Там же, 292) — Ее волны покраснеют *от крови* двух самых просвещенных народов (Л. Ненадович, Письма из Германии, 162) — *От всех белокурых волос и всех ветров*, я дрожал (В. Петрович, Обманчивая весна, 121) (Стевановић 1989: 220)²².

Как видим, в данных примерах представлены цитаты крупных писателей — двух хорватских и пяти сербских.

Подводя итоги, можно сказать, что короткий XX в. принес следующие крупные перемены в сербское языкознание. Во-первых, грамматики направлены на создание сербскохорватского единства (которое никогда полностью не усваивается хорватами). Во-вторых, авторитет грамматик последовательно основывается на харизматическом авторитете писателей и традиционном авторитете литературы и филологии. Традиционный авторитет опирается также на народ, который уже является не романтической, а идеологической категорией социалистического общества. В-третьих, основу рационального авторитета грамматики составляют уже не филология и подход младограмматиков, а структурализм.

²² *Ја стрепим од оних очију* (Л. Лазаревић, Целокупна дела, 70). — *Да те ухвати страх* од совуљаге (Исто, 79). — *Нема вајде ни од проте ни од литије* (М. Глишић, Целокупна дела I, 169). — *Љепота је мирис* од ког боли глава (Т. Ујевич). — *Горе над њим под је грмео* од ногу (И. Горан Ковачић). — *Не можеш живети од газда-Раке* (М. Глишић, Целокупна ела I, 11) — *Чуо си од људи* (П. Кочић, Цјелокупна дјела I, 28). — *Паде од душманске руке* (Исто, 292). — *Њени таласи поруменеће* од крви два најпросвећенија народа (Љ. Ненадовић, Писма из Немачке, 162). — *Од сваке плаве косе и од сваког ветра трзао сам се* (В. Петровић, Варљиво пролеће, 121)

4. XXI в.

Начало нынешнего века (исчисляемого с конца короткого XX в., то есть с 1991 г.) для сербов было прежде всего ознаменовано распадом Югославии и сербско-хорватского единства. Хотя уже с самого начала данного периода существуют новые грамматики, прежде всего грамматика Станойчича и Поповича (Станојчић, Поповић 1992 и др. изд-я), крупнейшей грамматикой, в которой ясно представлены особенности данного периода, является грамматика Пипера и Клайна (Пипер, Клајн 2013)²³. Объем грамматики — 582 страницы, она содержит научный аппарат. В этой грамматике речь идет уже не о сербскохорватском, а о сербском языке, и в соответствии с этим грамматика служит сплочению сербского народа. Например, говоря о произношении, авторы подчеркивают: «Большинство сербов использует екавский вариант [сербского языка], но используется и иекавский — на юго-западе Сербии, в Черногории и Республике Сербской» (Там же: 16)²⁴. Следующее крупное новшество — это отведение центрального места понятию нормы, и не только в названии. Грамматика содержит главу *О нормативной грамматике и нормативной лингвистике* (Там же: 5–15), в которой, между прочим, подчеркивается следующее:

Настоящая нормативная грамматика сербского языка, созданная по инициативе Совета по вопросам стандартизации сербского языка, представляет собой первую сербскую грамматику, чье нормативное назначение положено в ее основу, структуру и даже в название (Там же: 14)²⁵.

²³ Оба автора уже до публикации этой грамматики опубликовали крупные нормативные монографии (Клајн 2002–2003; Пипер и др. 2005).

²⁴ *Већи део Срба говори екавски, док се ијекавски говори на југозападу Србије, у Црној Гори и у Републици Српској.*

²⁵ *Ова нормативна граматика српског језика, настала на иницијативу Одбора за стандардизацију српског језика, јесте прва српска граматика чија је нормативна намена стављена у њену основу, концепцију, структуру, па и у наслов.*

Нормативная грамматика является частью нормативного языковедения. Каждое общество стремится к своему упорядочению, в том числе в области знания о языке и использования языка. Поэтому языковеды занимаются исследованием и установлением нормы литературного языка, а также способами ее укрепления, поддержания и применения в различных общественных областях (Пипер, Клајн 2013: 5)²⁶.

(...) для качества нормы литературного языка одинаково важны и «кодификаторы», и «воспитатели», и «реализаторы» (...). Некто, выступающий в роли «кодификатора», принимая определенное решение в области нормативной лингвистики, конечно же, использует его и в своей речи в качестве «реализатора», а когда учит или исправляет говорящих моложе себя, будучи, например, учителем или родителем, исполняет роль «воспитателя» (Там же: 7)²⁷.

Нормативные квалификации, представленные в настоящей грамматике, опираются как на языковой материал, так и на богатую литературу о сербском и сербскохорватском языке (языковые справочники, советники, гиды и пр., библиографические сведения о которых подаются в конце книги), а также на актуальное теоретическое учение о стандартизации языка и нормативистике (Там же: 15)²⁸.

²⁶ *Нормативна граматика је део нормативне лингвистике. Свако друштво настоји да буде што боље уређено, укључујући и област знања и употребе језика. Зато се лингвисти баве проучавањем и утврђивањем књижевнојезичке норме као и облицима њеног учвршћивања, неговања и примењивања у различитим друштвеним областима.*

²⁷ *(...) за квалитет књижевнојезичке норме важни су и «кодификатори», и «едукатори», и «реализатори» (...) Неко ко као «кодификатор» учествује у доношењу извесне одлуке из области нормативне лингвистике, свакако је и примењује у свом говору, као «реализатор», а поучавајући или исправљајући млађе од себе, нпр. као наставник или као родитељ, узима на себе и улогу «едукатора».*

²⁸ *Нормативне квалификације које се дају у овој граматички ослоњене су како на језичку грађу тако и на богату нормативистичку литературу о српском и српскохрватском језику (језички приручници,*

В приведенных цитатах можно заметить несколько интересных фактов. Во-первых, источником нормативности являются институции (грамматику «заказал» Совет по вопросам стандартизации сербского языка (*Одбор за стандардизацију српског језика*) — можно отметить, что грамматику опубликовала Матица сербская совместно с Академией наук, то есть крупнейшие сербские институции культуры). Во-вторых, нормативность объясняется рационально — как общественно полезная деятельность. В-третьих, видно, что ведущим языковедческим методом является социолингвистический, а норма считается процессом, в котором определенную роль играют не только лингвисты и преподаватели, но и совокупность пользующихся нормой литературного языка. Метод, таким образом, является социолингвистическим в смысле воздействия лингвистики на общество, то есть в трактовке социолингвистики общества Фасольда (Fasold 1984). В-четвертых, авторы уже не используют авторитет писателей, а только указывают на традицию языковедческих исследований. Интересно также понятие нормативности, вынесенное в само название грамматики, которое в самом начале сербской грамматической традиции в XIX в. практически не существовало, как указывают Миланович и Белакович (Милановић 2016; Бјелаковић 2016). Таким образом, макродействиями в нынешней грамматике устанавливается авторитет рационального и традиционного типа.

Хорошим примером микродействия, исходящего из вышеупомянутых перемен, является приведение примеров. Как показывают следующие цитаты, примеры из литературы употребляются редко — большинство примеров взято из живой речи.

(27) Птицы спојут мою песњу с сосны молодой / однажды, когда
меня не будет (Д. Максимович).

(28) Не будь твоего смеха, / Стены никогда бы / не исчезли с глаз
долой (В. Попа).

саветници, поучници и сл., чији је библиографски опис дат на крају књиге) и на актуелну теоријску мисао о језичкој стандардизацији и нормативистици.

- (29) Я отказался от скандалов / от прошедшего и ошибочных желаний / от красоты источника всех зол / от любви и друзей (Д. Трифунович).
- (30) Они убежали из лагеря.
- (31) Этот побег из тюрьмы им не удался.
- (32) Они изгнаны из Косова и Метохии.
- (33) Его освободили от этой обязанности (Пипер, Клајн 2013: 331)²⁹.
- (34) Она пощадила его от неприятностей.
- (35) Она отошла от ограды.
- (36) Она вышла из машины.
- (37) Он упал с велосипеда.
- (38) Они знакомы с прошлого года.
- (39) Они укрыли беженца от погони.
- (40) Из всех стихотворений в этой книге это самое лучшее и короткое (Там же: 331)³⁰.

Вопреки всем изменениям, авторы все-таки остаются на позициях нормативного авторитета. Например, грамматика содержит следующие нормативные советы:

-
- ²⁹ (27) *Птице ће моју песму с младог бора певати / кад мене не буде једнога дана (Д. Максимовић).*
- (28) *Смеха твога да нема / Зидови не би никад / Из очију нестајали (В. Попа).*
- (29) *Дигао сам руке од скандала / од прошлости и погрешних жеља / од лепоте извора свих зала / од љубави и од пријатеља. (Д. Трифунович)*
- (30) *Побегли су из логора.*
- (31) *То бекство из затвора није им успело.*
- (32) *Прогнани су са Косова и Метохије.*
- (33) *Ослобођен је те обавезе.*
- ³⁰ (34) *Поштедела га је непријатности.*
- (35) *Одмакла се од ограде.*
- (36) *Изашла је из аута.*
- (37) *Пао је са бицикла.*
- (38) *Познају се од прошле године.*
- (39) *Сакрили су бегунца од потере.*
- (40) *Од свих песама у тој књизи та је била најлепша, а и најкраћа.*

В винительном падеже единственного числа выбор формы мужского рода зависит от того, указывает ли местоимение *сав* (весь) на одушевленный или неодушевленный объект:

(113) *Свега ме је испрскоа.* (Забрызгал меня всего.) (при субстантивированном употреблении)

(114) *Сав сто је поквасио.* (Забрызгал весь стол.)

Замечание 1. — Неправильно *Свог си ме испрскоа*. Правильно как в примере (113).

Замечание 2. — В родительном падеже множественного числа местоимения *сав* (весь), кроме правильной формы *свих* (всех), употребляется и форма *свију*, которая в современном сербском литературном языке является архаизмом.

Замечание 3. — В разговорной речи, а иногда и в творчестве менее щепетильных писателей, в среднем роде, вместо формы *све* (все), встречается форма *сво*, например: *сво време* (все время), которая противоречит норме.

Замечание 4. — Нельзя формы *свега*, *свему* (всего, всему) заменять формами *свога* и *свому*. Поэтому правильно: *Од свега тог богатства није му ништа остало* (Из всего этого богатства ему не осталось ничего), и неверно: *Од свог тог богатства није му ништа остало* (Пипер, Клајн 2013: 116)³¹.

³¹ У акузативу јединице избор облика за мушки род зависи од тога да ли заменица *сав* упућује на живо или на неживо, уп.

(113) *Свега ме је испрскоа.* (у поимениченој употреби)

(114) *Сав сто је поквасио.*

Напомена 1. — Погрешно је: *Свог си ме испрскоа* и сл. Исправно је као у примеру (113).

Напомена 2. — У генитиву множине заменице *сав*, поред исправног облика *свих*, у употреби је понекад и понегде и облик *свију*, који је у савременом српском књижевном језику граматички архаизам.

Напомена 3. — У говору, а понекад и код мање пажљивих писаца, у средњем роду уместо облика *све среће се* и облик *сво* (нпр. *сво време*), који није нормативно исправан.

Опрос, проведенный мною в группе *Наш језик* на Facebook (среди ее членов огромное большинство сербов и большое количество учителей сербского языка) с 17 по 18 июня 2019 г., показал, что первый совет абсолютно не воспринимается участниками опроса как правильный (оказалось, что 86 участников не согласны с авторами грамматики и только 10 согласны). Если подобный результат подтвердится и в последующих опросах, это может указывать на то, что, хотя авторы, следуя своему социолингвистическому подходу, стремятся к партнерскому отношению с пользователями, на практике все же существуют определенные натяжки.

5. Заключение

Итак, первая нормативная грамматика современного сербского языка (Карацић 1818) появилась в начале XIX долгого века на фоне романтизма, австрославизма и желания новой сербской буржуазии занять свое место на исторической сцене. Грамматика пользуется рациональным авторитетом, хотя в некоторых аспектах ее рациональный характер не подтверждается в действительности (например, не существует доказательств, что литературный и разговорный языки должны быть идентичными). Сербскую грамматическую традицию продолжает Новакович (Новаковић 1894). Новакович пользуется не только рациональным авторитетом, но и харизматическим авторитетом Караджича. В то же время Новакович заменяет романтический филологический проект младограмматическим научным методом. И Караджич и Новакович нормативный авторитет нацеливают на сербов (в их интерпретации, говорящих штокавского диалекта). Короткий XX в. несет крупные перемены — сербы воссоединяются в одном государстве с хорватами. Следующая грамматика, Стевановича (Стевановић 1964а), — самая примечательная грамматика этой эпохи, основана на идее сербско-хорватского единства. Принимая во внимание то, что победа идей Вука Караджича (которые

Напомена 4. — Погрешно је облике свега, свему замењивати облицима свога, свому, дакле исправно је Од свега тог богатства није му ништа остало (а није исправно: Од свог тог богатства није му ништа остало).

Стеванович продолжает развивать) была обеспечена писателями, харизматический авторитет писателей и традиционный авторитет деятельности Караджича и последующих поколений языковедов сыграли ведущую роль в случае грамматики Стевановича. Структуралистический подход является основой рационального авторитета. XXI в. приносит распад Югославии, и крупнейшая грамматика этой эпохи (Пипер, Клајн 2013) предназначена только для сербов, причем это все те, которые чувствуют себя этническими сербами. Харизматический авторитет и роль составителей постепенно уступают в ней место рациональному авторитету, основанному на социолингвистике и традиционном авторитете сербского языковедческого наследия.

В истории сербской грамматической мысли можно заметить определенные константы. Все анализируемые грамматики устанавливают нормативный авторитет и национальное единство. Макро- и микродействия, которыми это осуществляется, претерпевают ряд изменений в течение времени. Здесь можно заметить диалектику развития. Изначальное понимание сербского единения как романтической идеи, основанной на диалекте, заменено политическим понятием сербско-хорватского единства, которое никогда полностью не принимается среди хорватов, а в конце эта оппозиция нивелируется формированием идеи национального единения сербов в современном этническом смысле. И понятие авторитета претерпевает изменения с течением времени. Исконно идеологический рациональный авторитет заменяется неидеологическим рациональным авторитетом и харизматическим авторитетом писателей, а в конце харизматический авторитет уступает место традиционному лингвистическому авторитету. Противоположность рационального и харизматического разрешается сопоставлением рационального и традиционного лингвистического авторитетов. Изначально субъективный антропоцентрический филологический подход заменяется объективными лингвоцентрическими подходами (младограмматическим и структуралистическим), а в конце авторы используют социолингвистику для обеспечения объективного антропоцентрического подхода.

Литература

- Бјелаковић 2016 — *Бјелаковић И.* Језикословци и њихове писменице (структура граматичких приручника „српског” језика у XIX веку) // Зборник у част Љиљани Суботић. Теме језикословне у србистици кроз дијакронију и синхронију / Ур. Ј. Дражић, И. Бјелаковић, Д. Средојевић. Нови Сад: Филозофски факултет, 2016. С. 55–68.
- Војводић, Костић 2018 — Стојан Новаковић: поводом сто седамдесет пет година од рођења / Ур. М. Војводић, А. Костић. Београд: САНУ, 2018.
- Добрашиновић 1980 — *Добрашиновић Г.* Копитар и Вук. Тршић: Вуков сабор, 1980.
- Ивић 1998 — *Ивић П.* Преглед историје српског језика. Целокупна дела, књига 8, Сремски Карловци. Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 1998.
- Караџић 1849 — *Караџић В.* Стефановић. Ковчежић за историју, језик и обичаје Срба сва три закона. Беч: Јерменски манастир, 1849.
- Клајн 2002–2003 — *Клајн И.* Творба речи у савременом српском језику. Београд: САНУ, 2002–2003.
- Милановић 2016 — *Милановић А.* Филолошки текстови из прве половине 19. века као ресурс за истраживање српског језика // Научни састанак слависта у Вукове дане. 2016. 45/3. С. 135–147.
- Милановић, Драгићевић 2018 — Година 1847: преломна тачка српске културе / Ур. А. Милановић, Р. Драгићевић. Београд: Савез славистичких друштава Србије, 2018.
- Николић 2007 — *Николић Н.* Полемика Вука и Видаковића — рат култура // Зборник Матице српске за књижевност и језик. Књ. LV, св. 3. Нови Сад: Матица српска, 2007. С. 477–510.
- Пипер и др. 2005 — *Пипер П. и др.* Синтакса савременог српског језика: проста реченица. Београд: САНУ, 2005.
- Поповић 1964 — *Поповић М.* Вук Стеф. Караџић. Београд: Нолит, 1964.
- Селимовић 1967 — *Селимовић М.* За и против Вука. Београд: БИГЗ, 1967.
- Станојчић 2018 — *Станојчић Ж.* “Београдска лингвистичка школа” А. Белића и књижевни језик нашег времена. Предавања // Семинар српског језика, књижевности и културе. 2018. 7. С. 5–14. (URL: https://doi.org/10.18485/msc_pred.2018.7.ch1-10.10.2019.)

- Стевановић 1964б — *Стевановић М.* Однос граматичара према норми књижевног језика. Споменица: Посебна издања САНУ, 1964. CCCLXVII. 26. С. 197–209.
- Bonazza 1988 — *Bonazza S.* Vuk Stef. Karadžić und der Austroslavismus // *Europa orientalis*. 1988. 7. S. 361–371.
- Brubaker 2002 — *Brubaker R.* Ethnicity without Groups // *Archives of European Sociology*. 2002. XLIII. 163–189.
- Butler 1969 — *Butler Th.* Jernej Kopitar's Role in the Serbian Language Controversy // *The Slavic and East European Journal*. 1969. 13 (4). P. 479–488.
- Fasold 1984 — *Fasold R.* *The Sociolinguistics of Society*, Oxford: Basil Blackwell, 1984.
- Gellner 1983 — *Gellner E.* *Nations and Nationalism*. Ithaca: Cornell University Press, 1983.
- Hobsbawm 1995 — *Hobsbawm E.* *The Age of Extremes The short twentieth century 1914–1991*. London: Abacus, 1995.
- Hobsbawm 1996 — *Hobsbawm E.* *The Age of Revolution 1789–1848*. New York: Vintage Books, 1996.
- Huemer 2013 — *Huemer M.* *The Problem of Political Authority: An Examination of the Right to Coerce and the Duty to Obey*. New York: Palgrave Macmillan, 2013.
- Ivić 1981 — *Ivić P.* Kopitarov uticaj na Vuka Karadžića i razvoj Vukovih stavova // *Slavistična revija*. 1981. 29/2. С. 149–157.
- Jelavich, Jelavich 1977 — *Jelavich Ch., Jelavich B.* *The Establishment of the Balkan National States, 1804–1920*. Seattle; London: Washington University Press, 1977.
- Kohn 1960 — *Kohn H.* *Pan-Slavism. Its History and Ideology*. Second revised edition. New York: Vintage books, 1960.
- Krojej 2013 — *Krojej M.* The Cooperation of Grimm Brothers, Jernej Kopitar and Vuk Karadžić // *Studia mythologica slavistica*. 2013. XVI. P. 215–231.
- Moritsch 1996 — *Der Austroslavismus. Ein verfrühtes Konzept zur politischen Neugestaltung Mitteleuropas / Hrsg. von A. Moritsch*. Wien: Böhlau, 1996.
- Okuka 1991 — *Okuka M.* Gramatike srpskohrvatskog književnog jezika u Bosni i Hercegovini od Vuka Karadžića do kraja austrougarske uprave // *Književni jezik u Bosni i Hercegovini od Vuka Karadžića do kraja*

- austrougarske vladavine / Ur. M. Okuka, L. Stančić. München: Slavica Verlag Kovač, 1991. С. 140–146.
- Pogačnik 1978 — *Pogačnik J.* Bartholomäus Kopitar. Leben und Werk. München: Rudolf Trofenik, 1978.
- Stankiewicz 1984 — *Stankiewicz E.* Grammars and dictionaries of the Slavic languages from the Middle Ages up to 1850. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1984.
- Šipka 2019 — *Šipka D.* Lexical Layers of Identity: Words, meaning, and culture in the Slavic languages. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
- Vodopivec 1988 — *Vodopivec P.* Jernej Kopitar entre l'Autriche, Vuk et les Slovènes Toma // Vuk Stef. Karadžić. Actes du Colloque international tenu à la Sorbonne les 5 et 6 octobre 1987. Paris: Université de Paris — Sorbonne, 1988. P. 99–104.
- Weber 1919 — *Weber M.* Politik als Beruf. Ditzingen: Reclam, 1992 (1-e ausgabe 1919).

Источники

- Алексић, Станић 1961 — *Алексић Р, Станић М.* Граматика српскохрватског језика за ученике гимназије. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 1961.
- Белић 1932 — *Белић А.* Граматика српскохрватског језика. Београд: Геџа Кон, 1932.
- Видакович 1838 — *Видакович М.* Грамматика сербска. Пешта: Јос. Баймел, 1838.
- Даничић 1850 — Мала српска граматика. Беч: Јерменски манастир, 1850.
- Караџић 1814 — *Караџић Вук Стефановић.* Писменица сербскога језика по говору простог народа. Виенна: У печатњи Г. Јоанна Шиирера, 1814.
- Караџић 1818 — *Караџић Вук Стефановић.* Српски рјечник. Беч: Јерменски манастир, 1818.
- Мразович 1794 — *Мразович А.* Руководство къ славенстѣй грамматицѣ. Виенна: Тѣпомъ Т. Стефана Новаковича, 1794.
- Новаковић 1894 — *Новаковић С.* Српска граматика. Београд: Државна штампарија, 1894.
- Новаковић 1902 — *Новаковић С.* Српска граматика, друго издање. Београд: Државна штампарија, 1902.

- Пипер, Клајн 2013 — *Пипер П., Клајн И.* Нормативна граматика српског језика. Нови Сад: Матица српска, 2013.
- Станојчић, Поповић 1992 — *Станојчић Ж., Поповић Љ.* Граматика српског језика. Уџбеник за I, II, III, IV разред средње школе, друго прерађено издање. Београд; Нови Сад: Завод за уџбенике и наставна средства — Завод за издавање уџбеника, 1992.
- Стевановић 1964а — *Стевановић М.* Савремени српскохрватски језик. Београд: Научна књига, 1964.
- Стевановић 1986 — *Стевановић М.* Савремени српскохрватски језик. Т. I, петое издание. Београд: Научна књига, 1986.
- Стевановић 1989 — *Стевановић М.* Савремени српскохрватски језик. Т. II, четвртое издание. Београд: Научна књига, 1989.

Данко Шипка: danko.sipka@asu.edu